

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 233.2

Пост-, транс-, гипергрех

Б. Г. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Соколов Б. Г. Пост-, транс-, гипергрех // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 429–440. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.310>

Статья посвящена проблеме осмысления греха и греховности и статуса человека в современной культуре. Для реализации этой цели проводится компаративный анализ двух культурных контекстов применительно к проблеме греха, а именно: современного медиального пространства Интернета и религиозной ситуации в Европе в середине XIX в. Исходя из понимания греховности у датского философа С. Киркегора, для которого греховность является онтологической и базовой характеристикой человека, находящегося в постоянном «диалоге» с Богом, автор производит сравнение с тем, как рассматривается грех в современном медиапространстве — от социальных сетей до послания Папы Римского, адресованного журналистам. В отличие от культурной ситуации XIX в., которая была конденсирована в понимании греха у Киркегора, современный секуляризованный мир Интернета и медиазоны использует термин «грех» не как онтологический маркер, но всего лишь как метафору, риторическую фигуру. Эта метафора уже не обладает значимым экзистенциальным и онтологическим статусом по сравнению с пониманием греха в эпоху Киркегора. Подобное понимание греха, не сопоставимое с ощущениями, духовными переживаниями и страданиями религиозного мыслителя XIX в., ставит вопрос о том экзистенциальном базисе, который формирует современного человека, лишенного подобных экзистенциальных императивов. Современный человек не знает подлинного греха, не видит боли, страданий, голода, т. е. лишен тех важнейших экзистенциальных ориентиров, которые формировали сам духовный облик и сознание человека до середины XX в. Соответственно современная модель сборки того сущего, каковым являются человек и его сознание, кардинально отличается от того, как формировался человек с религиозным традиционалистским сознанием, для которого именно грех, страдание, боль и смерть являлись экзистенциальными императивами.

Ключевые слова: грех, греховность, современная культура, С. Киркегор.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

1. Феномен и феноменология пост(транс-, гипер-)греха

Прежде чем мы обратимся к рассуждению о грехе и постгрехе, позволю себе «порезвиться» на просторах Интернета и бегло рассмотреть два довольно курьезных сюжета, где, собственно говоря, и располагается основная «штаб-квартира» постгреха.

Первый сюжет может даже претендовать на определенного рода религиозную догматичность, ибо речь пойдет о словах самого понтифика Римской католической церкви. В новостном ряду, среди прочих предновогодних курьезов и сплетен (дело было в декабре 2017 г.), можно было прочесть следующую довольно потешную новость. Передаю ее в том виде, в котором обнаружил на одном русскоязычном ресурсе, а именно на Daily Storm (упомянем, что эта новость «гуляла» и по другим сайтам и новостным лентам), а потом воспроизведу ее так, как она выглядела «в исходнике», т. е. на сайте чрезвычайно авторитетного издания “The Guardian”. Публикация на русском сайте, в отличие от “The Guardian”, была авторская, в качестве ее автора была указана некая (мне, по крайней мере, не известная) Анастасия Драй, озаглавившая публикацию следующим образом: «Папа Франциск собирается посвятить свое ежегодное обращение фейковым новостям»:

Папа Римский Франциск, выступая перед журналистами, заявил, что считает серьезным грехом распространение фейковых новостей. По его словам, погоня за сенсацией вредит душам журналистов и всех, к кому это имеет отношение.

«Вы не должны впадать в “коммуникационные грехи”: дезинформация, одностороннее освещение событий, клевета, дискредитация, вытаскивание старых новостей, о которых давно все известно», — заявил Папа Римский журналистам. Об этом сообщает “The Guardian” в воскресенье, 17 декабря. В своем ежегодном обращении папа Франциск собирается уделить внимание фейковым новостям, которые, по его мнению, стали большой проблемой.

Папа подчеркнул, что миссия современной журналистики является фундаментальной для демократического общества. Он напомнил, что обязанность журналистов — предоставлять точную, полную и достоверную информацию, а одностороннего освещения событий необходимо избегать.

Папа Римский Франциск объявил, что погоня за сенсацией и предоставление ложных новостей — это «тяжкий грех, который причиняет боль душе журналиста и причиняет боль другим» [1].

А вот как об этом пишет сама “The Guardian”:

Pope Francis: fake and sensationalised news ‘a very serious sin’

Pontiff calls on journalists to report precise, complete and correct information, not one-sided reports or ‘old news that has been dealt with’

Pope Francis has criticised journalists who dredge up old scandals and sensationalise the news, saying it’s a “very serious sin” that hurts all involved.

Francis, who plans to dedicate his upcoming annual communications message to “fake news”, told Catholic media on Saturday that journalists perform a mission that is among the most “fundamental” to democratic societies.

But he reminded them to provide precise, complete and correct information and not to provide one-sided reports.

The pope said: “You shouldn’t fall into the ‘sins of communication:’ disinformation, or giving just one side, calumny that is sensationalised, or defamation, looking for things that are old news and have been dealt with and bringing them to light today.”

He called those actions a “grave sin that hurts the heart of the journalist and hurts others” [2].

Итак, новация нашего времени, которую фиксирует римский понтифик, — информационный грех. О том, что это уже действительно не пустая «проблема», свидетельствует само включение данного сюжета в послание римского понтифика. Конечно, «демарш» понтифика довольно наивный, ибо пытаться учить нравственности и правильному видению реальности журналистов в ситуации эрозии всех прежних онтологических алиби и плюральности истины, озадаченных более значимыми профессиональными императивами, например «жареностью» новостного ряда, — дело явно неблагодарное и бесполезное, хотя, наверное, все же и нужное. Однако отметим, этот глас вопиющего в новой «пустыне реальности» римского первосвященника прозвучал вполне в духе времени и постоянной на протяжении столетий ревизии христианской догматики, необходимо реагирующей на «вызовы» времени.

Теперь обратимся к другому, более для нас значимому сюжету в зафиксированном самим первосвященником романе информационного пространства и греха. Честно скажу, что я не совсем уверен в том, каким образом (об этом и говорится в нижеприведенной цитате) команда ученых Kingston Business School провела подобное «научное исследование». Скажу больше, я не особенно уверен в том, что вообще Kingston Business School и упомянутая ведущий исследователь, доктор Эмма Рассел существуют и являются авторитетными и психически вменяемыми. Такова в принципе специфика интернет-мира, в котором для верификации и аутентификации необходимо подчас затратить столько сил и времени, что «сто раз подумаешь», стоит ли вообще осуществлять подобные процедуры или довольствоваться тем, что есть, делая вид, что веришь и статусам упомянутых персон, и научности их статистических исследований. При этих обстоятельствах нелишним будет задаться вопросом о том, не является ли этот «медиафакт» плодом махинаций или воображения, подкрепленным набором интернет-техник конституирования самого «медиафакта». Даже если все нижеупомянутое и нижецитированное — «фейк», то и в этом случае подобный «фейк» вполне показателен и адекватен дрейфу и контексту современной гиперреальности.

Теперь, собственно, о цитате. Она взята мной со странички в социальной сети «ВКонтакте», на которую я случайно наткнулся. В принципе ничем не примечательный текст, способный — а это «стилистика жанра» — лишь на мгновение своей броскостью привлечь внимание: по прочтении о нем сразу забудут, посмеявшись над потугами исследователей из Kingston Business School. Итак, текст, взятый из социальной сети «ВКонтакте», со стены группы «Типичный миллиардер» от 18 декабря 2017 г. и озаглавленный следующим образом: «**7 смертных виртуальных грехов**». Скажу честно: именно это-то и привлекло мое внимание. Итак, окунемся в «дебри» виртуальных смертных грехов:

Задумывались ли Вы, что дурные привычки в электронной переписке, скудные или быстрые ответы могут повлиять на психическое здоровье собеседника? По мнению психологов, плохое поведение в электронной деловой переписке вызывает больше, чем простое раздражение, а стресс и нервные срывы на рабочем месте.

Команда ученых из Kingston Business School проанализировала 28 учетных записей электронной почты сотрудников различных фирм и определила, какие сообщения поднимают уровень стресса работника.

Предлагаем Вашему вниманию 7 смертных грехов, которые мы допускаем в деловой переписке:

1. «Пинг-понг» — когда ведется очень быстрая переписка, и под давлением обеих сторон, как бы отбивая сообщения друг от друга, создается эффект «пинг-понга». В таком случае уровень стресса повышается у обоих, и переписка становится бесполезной.
2. Отправка деловых писем в нерабочие часы, показывая свою преданность работе, вызывала резкую раздражительность у получателя.
3. Писать ответ на электронное письмо, общаясь в это время с кем-то другим параллельно.
4. Полностью игнорировать полученное письмо.
5. Требовать запрос о прочтении сообщения.
6. Отвечать сразу на письмо, ни минуты не подумав перед этим.
7. Автоматические ответы.

Ведущий исследователь, доктор Эмма Рассел сказала:

«Это исследование показывает, что даже при том, что нам кажется наиболее адаптированным и функциональным в работе с нашей электронной почтой для многих людей, с которыми мы работаем, может плохо отразиться на состоянии их психического здоровья» [3].

Без сомнения сам титул — «смертные» грехи — и число «семь» однозначно указывают на тот «исходный культурный сюжет», который и обыгрывается в журналистском стиле в данном отрывке. Это религиозная идея о семи или восьми (их число, как мы увидим, варьировалось в различных источниках) смертных грехах, которые принимались христианством. Смертными же их называли не потому, что они приводят к физической смерти, но потому, что вызывают более тяжкие с точки зрения христианского вероучения последствия: неминуемым следствием совершения данного вида проступков являлось то, что можно назвать духовной смертью. Эти грехи следующие: 1. *Superbia* (гордыня); 2. *Invidia* (зависть); 3. *Ira* (гнев); 4. *Acedia* (уныние); 5. *Avaritia* (алчность); 6. *Gula* (чревоугодие) 7. *Luxuria* (похоть, блуд).

В более раннем варианте перечисления смертных грехов их было восемь. К смертным грехам приводили так называемые злые помыслы, которые суть: 1. *Superbia* (гордыня); 2. *Fornicatio* (блуд); 3. *Avaritia* (сребролюбие); 4. *Ira* (гнев); 5. *Tristitia* (печаль); 6. *Acedia* (уныние). 7. *Gula* (чревоугодие); 8. *Vanagloria* (тщеславие). Указанная традиция именованья и исчисления смертных грехов восходила к ранней христианской аскетике и была разработана в творениях таких христианских авторов, как Киприан Карфагенский, Иоанн Кассиан, Евагрий Понтийский. Стоит указать, что именно в текстах Евагария Понтийского как раз и фиксируется важное для нас обстоятельство: смертные грехи базируются на злых помыслах, которые в человеческих силах только преуменьшить, но никак не упразднить вообще. Иными словами, смертные грехи являются следствием душевной «заразы», которая не приобретает, но скорее «наследуется» и которую невозможно полностью устранить, но только уменьшить ее интенсивность и степень влияния.

Само же число «семь» применительно к смертным грехам восходит в католической традиции к фигуре папы Григория Великого, который «модернизировал» восьмеричную схему смертных грехов, изменив их последовательность и объединив в один грех печаль с унынием, тщеславие с гордыней, а также добавив еще один смертный грех, а именно зависть.

Как мы видим, роднит смертные грехи современного виртуального мира и смертные грехи христианства лишь число «семь» и сам титул «смертные грехи».

На этом их схожесть заканчивается. Кстати, их, этих смертных грехов медиапространства, конечно, можно — как и в случае тридцати трех удовольствий — считать гораздо больше, но не суть. Суть же того, что обозначается как «смертные грехи виртуального мира», состоит в том, что оно нарушает, прерывает, искажает или затрудняет коммуникативный обмен. Смысл, таким образом, смертного греха коммуникативного пространства, который мы по праву можем обозначить как постгрех, следуя общей стилистике современности, маркирующей современные процессы и феномены как пост-, гиперпроцессы, а современную реальность — как гиперреальность, заключается в том, что он нарушает процесс коммуникативного взаимодействия. Это **ошибка** или **затруднение** в процессе курсирования информационных потоков. Не более того, но и не менее. То, что в приведенном отрывке речь идет о деловой переписке, сути не изменяет: деловая переписка выступает «эйдосом» и полноправным представителем того мира, в котором она разворачивается, а именно глобального мира. Этот глобальный мир уже больше похож на виртуальный мир, нежели на тот привычный мир «архаики», где жило человечество многие тысячи, если не миллионы лет.

Итак, постгрех — как ошибка, прерывание или затрудненность в мире глобальных коммуникативных путей, троп. Наверное, это действительно одна из существенных опасностей для данного пространства, основанного на бесконечном свободном курсировании информационных потоков. Понятно, конечно, что не только указанные «смертные грехи» виртуального взаимодействия затрудняют функционирование современного мира: это и вирусы, и физический сбой, и... даже «конец века в 2000 г.», когда «смертельная опасность» для человечества опознавалась в сбое, который мог возникнуть в компьютерных программах, «настроенных» на время до 2000 г. В этом смысле постгрех как ошибка, как разрыв, как затруднение в коммуникации не такой уж смертельный постгрех вовсе, а так, «шаловливая считалка», призванная на мгновение обратить на себя внимание аудитории, чтобы по ходу дела были решены более значимые императивы данного мира, например, привлечь внимание к всплывающим окнам рекламы или удержать так или иначе в данной социальной сети пользователя. Но в любом случае то, что причисляется к семи смертным интернет-грехам, скорее принадлежит сфере этики, ибо относится к области регулирования человеческих отношений, правда, специфических отношений в медиамире современности, а никак не к сфере сакрального, которое, кстати, вообще достаточно «условно» присутствует в том мире, где, в сущности, нет места ни благодати, ни проклятию, но где в основе всего лежит язык, в котором всего лишь два слова — «включено» и «выключено». В самом деле, на что указывают «смертные грехи виртуального мира»? Ответ очевиден: они фиксируют (и об этом прямо сказано в приведенной цитате), что «плохое поведение в электронной деловой переписке вызывает больше, чем простое раздражение, а стресс и нервные срывы на рабочем месте» [3]. Иными словами, речь идет о неких «корпоративных», преимущественно для «офисного планктона», правилах электронной коммуникации, вполне вписывающихся в так называемую корпоративную этику.

Но грех сам по себе, а не рассмотренный только что постгрех, — это не сфера этики и уж тем более не смертный грех. Проблема греха лежит в совершенно другой сфере, хотя, конечно, в какой-то своей ипостаси грех проникает в этическое пространство, особенно в тех культурных образованиях, в которых еще сильна

христианская традиция. Те смертные грехи, о которых мы уже немного поговорили, а именно: *Superbia* (гордыня); *Invidia* (зависть); *Ira* (гнев); *Acedia* (уныние); *Avaritia* (алчность); *Gula* (чревоугодие), *Luxuria* (похоть, блуд) — не суть то, что выступает как «ошибка», «затруднение», «извращение» в социальном пространстве и только в нем конституируется и существует. В самом деле, греху чревоугодия или гордыни можно предаваться в «одиночестве», без оглядки на фигуру и действенность Другого, да и похоть вовсе не обязательно имеет адресата в социальном пространстве, а «шаловливость» психоаналитической мысли уже давно сделала нарциссизм чуть ли не необходимым этапом становления психики человека. Конечно, человек как существо, раскрывающееся всегда в диалоге с другим и в социальном пространстве, а потому как бы «пробрасывающее» указанные (и неуказанные) грехи в социальный мир, привносит оттенки и смыслы греховности в коммуникативные связи, выстраивающие социальность. Но это — *во вторую очередь*. Грех — *не этика*, он не принадлежит к этой сфере, а потому, повторим, то, что фиксируется в приведенной цитате как «грех виртуального пространства», не грех вовсе, но то, что изначально функционирует в социальном пространстве, а потому и подлежит анализу этики.

Как раз указанное обстоятельство, а именно то, что грех как таковой не имеет «первичного» отношения к этическому пространству, явно ушло из поля зрения авторов и исследователей «семи виртуальных грехов», занимавшихся — в лучшем случае — проблематикой, связанной с корпоративной этикой. Постгрех — это не грех. Ибо грех — это не этика. Именно на этом настаивал С. Киркегор, а потому мы и обратимся к его помощи, чтобы прояснить, что такое грех.

2. Грех (у) Киркегора

Рассказывают (не знаю, насколько это точно передает все нюансы биографии С. Киркегора), что отец будущего датского мыслителя как-то в отрочестве пас стадо. Видимо, что-то не заладилось в его жизни в тот момент, может быть, просто все достало и опротивело, может быть, день был промозглый и ненастный, может... Но так или иначе, отец будущего создателя «Или — или» в сердцах проклял тогда самого Бога. Наверное, это был жест отчаяния и безысходности, вряд ли речь шла о богоборчестве или атеизме, ибо семья Киркегора была вполне набожная и добропорядочная. Но — дело сделано, Бог был проклят. И всю оставшуюся жизнь отец Серена жил с полным ощущением того, что за этот поступок — как вполне ожидаемое алаверды — Бог проклял его. Я думаю, это ощущение — ощущение лежащего на семье проклятья Бога — отец «бережно» завещал и своему сыну.

Жест проклятия Бога и ответ проклятия от Бога — не просто жест. Для религиозного человека — это водораздел, за которым начинается ад. Ибо этот жест — не отрицание Бога атеистом, но отрицание, которое утверждает в неизбежном возмездии всеисилие Творца. Подобный поступок, конечно, значим только для верующего, ибо для человека, мало озабоченного религиозной проблематикой, такой жест — лишь сотрясение воздуха словесами, не имеющее никаких последствий. Для верующего же все кардинально иначе, ибо жест отрицания, причем своевольного отрицания, отделяет человека от Бога, а потому этот жест не просто проступок, но свидетельство и манифестация этого свидетельства о предельной отдель-

ности твари от Творца, человека от Бога. А потому — это величайший грех, а то, что атеист не подозревает о его бесконечной значимости и катастрофичности, еще больше добавляет греховности: подобно тому как самая вершина (или пучина, без разницы, как метафорично это можно маркировать) отчаяния его высшая степень, по свидетельству С. Киркегора, состояние, когда отчаяния нет вообще, ибо отсутствие отчаяния — это самая пучина отчаяния.

Случившееся с отцом Киркегора не случайный штрих к его биографии. Эта история не только вскрывает экзистенциальные корни страстной религиозности философа и желания искупления прегрешения отца, но и объясняет, скорее всего, то ощущение отчаяния и страха, которое было тематизировано в его текстах. Проклятие Бога, на которое отважился отец Киркегора, полноправным наследником которого ощущал себя датский мыслитель, отделило Киркегора-старшего и его потомков от Бога, т. е. ввергло весь род в пучину греха. Греха, который по своему определению и по своей сути является отпадением, отделением твари от своего Создателя. Именно поэтому то, что пишет о грехе Киркегор, особо значимо: только человек, страстно и до глубины души переживающий грех, способен донести до нас то существенное, чем он (грех) является. И в этом отношении Киркегор не одинок, ибо самые «выдающиеся» святые христианства ощущали себя «последними грешниками» и именно поэтому могли указать путь к избавлению от греха. Я полагаю, что ощущение греха, страха и отчаяния, которое для верующего человека с неизбежностью является следствием того поступка, который совершил отец Киркегора, не только сопровождало его всю жизнь и служило толчком к написанию его инфицированных страстной верой текстов, но по сути было тем опытом, который верифицировал своей бесконечно значимой субъективной самоданностью прихотливые философские рассуждения о грехе и отчаянии датского мыслителя.

Итак, проклятие Бога — то, что бесконечно отделяет от Бога или, вернее, стремится отделить тварь от Творца. И, как следствие, погружение в пучину отчаяния и греховности. Но именно таковы опорные точки киркегоровской мысли. Грех — и Киркегор специально и не раз оговаривает это — не категория этики, он «возникает» лишь перед лицом Господа. «Возникает» — в данном случае речь идет не о временном, а чисто о «логическом» возникновении, ибо греховность после грехопадения Адамова — неотъемлемая характеристика человека. Он, грех, в том же отчаянии, которое начинается не тогда, когда человек ощутил и опознал отчаяние, а всегда и постоянно.

Вообще именно отчаяние, которое переживает человек, — маркер изначальной греховности, а потому в текстах Киркегора отдельное место уделено анализу диалектики отчаяния, которое «сопровождает» грех и его проявляет: «...быть причастным к отчаянию (ибо грех — это не проступок плоти и крови, но согласие духа на такой проступок) и быть перед Богом» [4, с. 309]. Отметим: отчаяние как предельно субъективное, предельно личностное и никакими объективными средствами не диагностируемое. А потому грех возникает в личном отношении к Богу. Более того, в интимнейшем отношении, которое делает человека человеком.

Сказанное нуждается в прояснении, ибо тот «диалог», который и делает человека человеком, разворачивается внутри довольно хрупкого и нестабильного по своей сути образования, каковым является человек. Отношение к Богу у Киркего-

ра — это фактически процесс конституирования, «сборки», форматирования человека.

Вначале довольно трудная для рефлексии (по крайней мере, для меня так было, ибо я потратил не один день, чтобы ее понять) цитата из работы С. Киркегора «Страх и трепет», фраза, с которой он и начинает этот текст: «Человек есть дух. Но что же такое дух? Это Я. Но тогда, что же такое Я? Я — это отношение, относящее себя к себе самому, — иначе говоря, оно находится в отношении внутренней ориентации такого отношения, то есть Я — это не отношение, но возвращение отношения к самому себе» [4, с. 255].

Остановимся подробнее на прояснении этого фрагмента книги датского мыслителя. «Человек есть дух», «Дух — это я»: все вроде просто и даже банально. Но вот дальше то, над чем стоит поломать голову, хотя первоначально все тоже довольно просто: «Я — это отношение». Немного ниже Киркегор говорит о нескольких «видах» отношения, которые, собственно, и выстраивают то сущее, каковым является человек: конечное — бесконечное, возможность — необходимость. Все вроде просто, и мы без труда можем себе представить процесс «конституирования», «сборки» того Я, каковым является человек. Есть конечное, которое соотносится с бесконечным, есть возможное, которое «вступает в связь» с необходимостью и т. п. Однако все не так просто, ибо в этом случае мы просто фиксируем Я, человека как то, что возникает в результате указанных отношений. Но вся «соль» заключается в том, что мы в результате не получаем Я! Я — это не указанные отношения, а отношение, которое относится к самому себе: «Я — это не отношение, но возвращение отношения к самому себе» [4, с. 255]. Что в результате мы имеем? Не отношение, которое можно вполне просто «зафиксировать» через его крайние члены — свобода/необходимость, конечное/бесконечное, но отношение, которое не может быть «однозначно» определено, т. е. отношение, которое относит себя к самому себе и через это получает собственную определенность! «Структура», скажем прямо, бесконечно нестабильная в своей динамике.

Более того — и Киркегор это особо оговаривает, да иного у христианского мыслителя быть и не может, — в это отношение, которое относит себя к самому себе и через это конституирует Я, человека, «включен» еще один «персонаж», а именно Бог. Именно Бог создал человека, а потому именно он полагает и отношение, относящее себя к себе самому. Отношение, относящее себя к самому себе, не может существовать поистине без отношения к своему Творцу, к Богу, хотя Бог, «творя из человека это отношение, как бы отпускает его затем из своих рук, так что, начиная с этого момента, такое отношение должно само направлять себя» [4, с. 257]. Человек, как бы оставленный Богом, должен, чтобы соответствовать своему предназначению и своей сути, продолжать действовать так, как будто все продолжается при постоянном участии Бога.

Итак, чем «в результате» оказывается человек в религиозной философии С. Киркегора? Довольно прихотливым «образованием», «конструктом», обладающим нестабильной внутренней структурой. Добиться «равновесия» в этой структуре если не невозможно, то, по крайней мере, почти невозможно. Нестабильность структуры Я — это нестабильность прежде всего внутренняя. Отношения, которые конституируют то сущее, каковым является человек, — «внутренние», интимнейшие отношения, одним из «участников» которых является Бог. В этой довольно

непростой структуре маркером, который отмечает указанную неизбежную невозможность стабильности, является предельно внутреннее «ощущение», каковым является отчаяние. Отчаяние — это ситуация, когда Я, человек, стремится достичь равновесия и стабильности внутри себя самого, т. е. внутри того отношения, которое относит себя к себе самому, вступая одновременно в отношение с Богом, стремится стать собой: «Отчаявшийся грешит, когда перед Богом он не желает быть собою или желает быть собою» [4, с. 308]. А поскольку человек всегда стремится быть собой, даже тогда, когда он об этом не знает или когда стремится убежать от самого себя, то отчаяние как знак постоянного и сущностного несовпадения и нестабильности внутри Я человека неизбежно и постоянно. Добиться же равновесия и стабильности «в принципе» невозможно, ибо подобно тому, как почти невозможно (по крайней мере для обычного пользователя этого устройства) удержать равновесие на двухколесном велосипеде, когда он стоит на месте, так и в ситуации сущностной нестабильности в структуре того отношения, которое относит себя к самому себе и одновременно полагается Богом, сделать это почти невозможно. Достичь стабильности Я, человека, «проблематично» вдвойне, ибо человек, Я — это творение Бога и самим собой становится лишь тогда, когда соотносится с Богом: «...реальность человека должна существовать как реальность *Отдельного, Единичного* перед Богом» [4, с. 310].

Итак, человек «осужден» на нестабильность, отчаяние, а потому греховен. Он греховен, так как должен постоянно быть собой и одновременно должен быть собой в присутствии, внутреннем присутствии Бога. Человек перед Богом если и может достичь стабильности, а значит, упразднения греха и отчаяния, которое изнутри говорит нам о несоответствии в синтетической структуре Я, то лишь тогда, когда оказывается «в унисон» с Богом. А стремление к самому себе, опять же, возможно не тогда, когда идет путями самого себя, но путями Бога и путями к Богу, и ни в коем случае невозможно на путях самоутверждения, которые, по сути, будут направлением не к Богу, а от Бога и упорством против Бога: «Разве определение греха не предполагает упорства против Бога, неповиновения, бросающего вызов его заповедям?» [4, с. 309]. А потому тем путем, который может нас вести от греха к Богу, будет вера. И здесь, как и в ситуации отчаяния, единственным критерием и маркером — знаком движения является то предельно субъективное, личное, что с трудом поддается внешнему схватыванию, но одновременно является бесконечно значимой внутренней самоданностью, а именно вера: «Нет, — настаивает С. Киркегор — *противоположностью греха является вера*, как сказано в Послании к римлянам, 14, 23: “А все, что не по вере, грех”. И одним из главных определений христианства является то, что *противоположностью греха — не добродетель, но вера*» [4, с. 309]. Само противопоставление греха и веры разворачивается, опять же, в предельно субъективной сфере личностного присутствия перед Богом и движения в сторону Бога: «Это противопоставление основывается на главном критерии христианина: существует он или нет перед Богом» [4, с. 309].

И последнее. Все указанные предельно «субъективные маркеры» — а вообще датский мыслитель предпочитает себя именовать как «субъективного мыслителя» — не бессознательные порывы или ощущения. Время невинности миновало, а потому все движение веры происходит с необходимостью не только в сфере воли, но и в сфере разума, «ибо грех — это именно категория духа» [4, с. 308–309].

3. Постгрех и постчеловек

Итак, грех и смертные грехи, которые суть наивысшая степень греха, — это отделенность от Бога, а не отделенность или выпадение из людской коммуникативной или этической среды. Грех — не ошибка или намеренный перерыв в отношениях, возникающих в любом виде социума, в том числе в современном интернет-пространстве. А потому то, что в самом начале нашей статьи мы рассмотрели с помощью цитаты из социальной сети «ВКонтакте» и довольно самонадеянно маркировали как гипергрех, не грех вовсе, но то, что имеет своим основанием этические, социальные горизонты и в этих горизонтах должно постигаться.

А что с грехом? Как с ним быть в этом новом нынешнем виртуальном мире?

Да никак. Нет там греха и не может быть, как нет места отчаянию и страху... А значит — если вспомнить о той ситуации, о которой довольно проницательно говорил С. Киркегор: не ощущать отчаяния означает находиться на высшей степени отчаяния как такового — это место тотальной греховности, тотальной и окончательной отделенности человека от Бога.

* * *

...Нет, я не встаю на позицию религиозного фанатизма и осуждения хотя бы потому, что сам не могу себя причислить ни к верующим, ни к атеистам, ибо именно таковой должна быть позиция человека, преданного философии, т. е. любящего больше всего пускай «людскую» и несовершенную, но все же мудрость. Я просто констатирую некий «факт» относительно современной гиперреальности, которая уже давно не копирует и дополняет «реальную реальность», а становится самой реальностью. Дело несколько в другом, и это другое будет, собственно говоря, основным выводом данного текста.

Но сначала немного отойду в сторону от проблемы греха, религиозности и «семи грехов» интернет-мира.

Довольно длительное время (если не сказать, все время своего существования вплоть почти до текущего момента) жизнь человека «сопровождало» несколько не вполне приятных, если не сказать ужасных, «спутников». Это голод, боль, смерть. Человек всегда и издревле страдал от боли, голода и с трепетом ожидал свою смерть и воочию лицезрел ее «присутствие» не только в ликах умерших родственников, но и гримасах осужденных на публичную казнь, распятых на крестах, повешенных, четвергованных и т. п. Он ощущал боль, мучился голодом и ощущал присутствие «Dance Macabre» и изо всех дарованных ему сил стремился всего этого избежать. Боль, голод и смерть — это не только печальные спутники, с постоянной оглядкой на которые жил человек, это то, что создавало мир человека, а значит, его самого. Человек всегда был смертным, болеющим и голодающим, и это сформировало его как человека. И если отнять у него смерть, боль и постоянно грызущий голод, то, конечно, что-то «окажется» в результате, но никак не человек...

А теперь посмотрим на современность... Она уже почти удалила этих печальных спутников нашей жизни, к счастью или к несчастью, *почти* удалила. Успехи медицины и современной фармакологии лишают нас «счастья» боли, но если случается все же «вторгнуться» в нашу повседневность нестерпимой боли, то эвтаназия все же решит эту проблему наиболее безболезненным для человека способом. Проблема современного западного мира — это не проблема голода, а проблема

ожирения... А уж о том, как прячется от обывателя облик смерти (от запрета публичных казней и казней вообще до «изгнания мертвых» [5, с.231–240]), сказано предостаточно... Наверное, мы еще люди лишь потому, что мы еще не полностью упразднили голод, смерть и боль... *Не совсем, почти...*

И так же с грехом и Богом...

Европеец жил 2000 лет с Богом и с ощущением отчаяния и греховности. Теперь же нет греха, ибо то, что названо смертным грехом в Интернете, не грех вовсе, но то, что может относиться к функционированию коммуникативных полей в виртуальном мире, ну в крайнем случае в сфере корпоративной или деловой этики... Сама же маркировка чисто этического и социального феномена грехом, конечно, показательна: она прячет и деконструирует грех как таковой...

Грех — он перед Богом, он отделяет и приводит одновременно человека к Богу...

Грех в этой перспективе — то, что не просто, отделяя, приводит нас к Богу, это то, что, отделяя, приводит нас к самим себе, ибо совершенно справедливо отмечал С. Киркегор: «Я — это осознанный синтез бесконечного и конечного, который относится к себе самому и целью которого является стать собой самим, — что совершенно невозможно для него иначе, как в отношении к Богу» [4, с.267]. Лишь в присутствии Бога человек — по крайней мере, та его «разновидность», которая населяла Европу последние две тысячи лет, — становился человеком, лишь преодолевая грех и страдая от внутреннего отчаяния, которое «изнутри» форматировало человеческую экзистенцию, человек приобретал свой облик... Топос Бога — и это мы увидели у Киркегора — включен «внутри» того феномена, который собирается под титулом «человек».

И что теперь? Лишившись голода, смерти, боли и вдобавок утратив Бога и ощущение греха и отчаяния от его неизбежности, останется ли человек человеком? Не знаю, не знаю... **Что-то** (может быть, даже **кто-то**), конечно, будет жить в этом новом, сотканном из бинарного кода виртуально-реальном мире... Но вот не очень уверен, что это будет человек...

А что человек? Возможно, он, человек, опоздал и не заметил смерть самого себя, ибо, как говорил тот же датский мыслитель, «худшая из опасностей — потеря своего Я — может пройти у нас совершенно незамеченной, как если бы ничего не случилось» [4, с. 270].

Литература

1. Драй А. Папа Франциск собирается посвятить свое ежегодное обращение фейковым новостям. URL: <https://dailystorm.ru/papa-rimskiy-nazval-pyat-smertnyh-grehov-zhurnalistiki> (дата обращения: 02.03.2018).
2. Pope Francis: fake and sensationalised news 'a very serious sin'. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/17/pope-francis-fake-and-sensationalised-news-a-very-serious-sin> (дата обращения: 02.03.2018).
3. Типичный миллиардер. URL: <http://vk.com/bg.purse> (дата обращения: 18.04.2018).
4. Киркегор С. Болезнь к смерти. Страх и трепет / пер. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Республика, 1993. 383 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. С. Н. Зенкипа. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

Статья поступила в редакцию 4 марта 2018 г.;
рекомендована в печать 10 мая 2018 г.

Контактная информация:

Соколов Борис Георгиевич — д-р филос. наук, профессор; sboris00@mail.ru

Post-, trans-, hyper-sin

B. G. Sokolov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sokolov B. G. Post-, trans-, hyper-sin. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 3, pp. 429–440. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.310>

The article dedicated to the problem of sin and sinfulness, and the person's status in contemporary culture. For achieving this goal the author provides the comparative analysis of the two cultural contexts in relation to the problem of sin, namely, of the contemporary media space of the Internet and the religious situation of the XIX century. Based on the understanding of the sinfulness of the Danish philosopher S. Kierkegaard for who a sin is ontological and the underlying characteristics of a person in constant "dialogue" with God, the author makes the comparison to how the sin is treated in modern media space from social media to the message of Pope addressed to journalists. In contrast to the cultural situation of the nineteenth century, which was condensed in the understanding of sin in Kierkegaard's religious philosophy, the modern secular world of the Internet and media zones use the term of sin not as an ontological marker, but only as a metaphor, a rhetorical figure. This metaphor has no significant existential and ontological status in comparison with the understanding of sin in the age of Kierkegaard. Modern understanding of sin is not comparable to the sensations, spiritual experiences, and suffering religious thinker of the nineteenth century forms a consciousness of a modern man, deprived of essential imperatives. Modern man does not know of any true sin, does not see pain, suffering, hunger, i.e., deprived of the most important existential orientations that have shaped a spirituality of a man until the mid-XX century. Accordingly, the modern model of the assembly of human consciousness is radically different from how was created a religious traditionalist consciousness for which sin, suffering, pain, and death were deep existential imperatives.

Keywords: sin, sinfulness, contemporary culture, Søren Kierkegaard.

References

1. Dry A. *Papa Frantsisk sobiraetsia posviatit' svoe ezhegodnoe obrashchenie feikovym novostiam* [Pope Francis is going to devote his annual appeal to fake news]. Available at: <https://dailystorm.ru/papa-rimskiy-nazval-pyat-smertnyh-grehov-zhurnalistiki> (accessed: 02.03.2018). (In Russian)
2. *Pope Francis: face and sensationalized news 'a very serious sin*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/17/pope-francis-fake-and-sensationalised-news-a-very-serious-sin> (accessed: 02.03.2018).
3. *Tipichnyi milliarder* [A typical billionaire]. Available at: <http://vk.com/bg.purse> (accessed: 18.04.2018). (In Russian)
4. Kierkegaard S. *Bolezn' k smerti. Strakh i trepet* [The Sickness Unto Death. Fear and trembling], trans. by Isaeva N. V., Isaev S. A., Moscow, Respublika, 1993. 383 p. (In Russian)
5. Baudrillard J. *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic exchange and death], trans. by Zenkip S. N. Moscow, Dobrosvet, 2000. 387 p. (In Russian)

Author's information:

Boris G. Sokolov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; sboris00@mail.ru